

References

1. Behtereva N. P. Nejfiziologicheskie aspekty psihicheskoy dejatel'nosti cheloveka / N. P. Behtereva. – L. : Medicina, 1971. – 118 s.
2. Brushlinskij A. V. Subekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie / A. V. Brushlinskij. – M. : Institut prakticheskoy psihologii; Voronezh : NPO «Modjek», 1996. – 392 s.
3. Ivannikov V. A. Psihologicheskie mehanizmy volevoj reguljicii / V. A. Ivannikov. – SPb. : Piter, 2006. – 208 s.
4. Il'in E. P. Motivacija i motivy / E. P. Il'in. – SPb. : Piter, 2011. – 512 s.
5. Krasota i mozg. Biologicheskie aspekty jestetiki : per. s angl. / pod red. I. Renschlera, B. Hercberger, D. Jepstajna. – M. : Mir, 1995. – 335 s.
6. Leont'ev A. N. Problema dejatel'nosti v psihologii / A. N. Leont'ev // Voprosy filosofii. – 1972. – № 9. – S. 95–108.
7. Leont'ev D. A. Novye orientiry ponimaniya lichnosti v psihologii: ot neobhodimogo k vozmozhnomu / D. A. Leont'ev // Voprosy psihologii. – 2011. – S. 3–27.
8. Lindstrom M. Buyology: uvlekatel'noe puteshestvie v mozg sovremennogo potrebitelja / M. Lindstrom ; per. s angl. E. Faljuk. – M. : Jeksmo, 2010. – 240 s.
9. Lomov B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii / B. F. Lomov. – M. : Nauka, 1984. – 445 s.
10. Njuten Zh. Motivacija, dejstvija i perspektiva budushhego / Zh. Njuten ; pod red. D. A. Leont'eva. – M. : Smysl, 2004. – 608 s.
11. Rapaj K. Kul'turnyj kod: Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu / K. Rapaj. – M. : Junajted Press, 2008. – 168 s.
12. Trajndl A. Nejromarketing: Vizualizacija jemocij / A. Trajndl. – M. : Al'pina Biz-es Buks, 2007. – 128 s.
13. Uznadze D. N. Obshhaja psihologija / per. s gruz. E. Sh. Chomahidze; pod red. I. V. Imedadze. – M. : Smysl ; SPb. : Piter, 2004. – 413 s.

ФИЛОСОФИЯ ПЛАТОНА В «КОРОБАХ» В.В. РОЗАНОВА

Подвойский Леонид Яковлевич, кандидат философских наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: leonid.podv@gmail.com

В статье анализируются литературно-философские произведения самобытного русского писателя, публициста и философа В.В. Розанова. Сделано это под углом зрения наличия в них философских взглядов Платона. Хорошо известно, что творчество Розанова в целом и его философия не представляют собой стройной системы. Об оценке им философии Платона можно сказать то же самое. Тем не менее, даже из разрозненных записей складывается в целом определенное позитивное отношение В. Розанова к философии великого античного мыслителя.

Ключевые слова: Розанов, Платон, философия, идея, мысль, диалог, взгляд, эмбрион

PLATO'S PHILOSOPHY IN V. ROZANOV'S VOLUMES

Podvoisky Leonid Ya., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: leonid.podv@gmail.com

The literary and philosophical works by original Russian author, writer of political essays and philosopher V. Rozanov are analyzed in the article. It's done from the point of view of Plato's philosophy presence in them. It's well-known that Rosanov's works and his philosophy are not well systemized. We can say the same thing about his evaluation of Plato's philosophy. However, a definite positive attitude by Rosanov to the great ancient thinker's philosophy is made even from separate writings.

Keywords: Rosanov, Plato, philosophy, idea, thought, dialogue, point of view, embryo

На первый взгляд, название данной статьи может показаться претенциозным, поскольку вряд ли можно известного русского писателя, публициста и философа, хотя и не профессионального, что, правда, в русской философской культуре не является чем-то необычным, отнести к явным платоникам. С другой стороны, в произведениях В.В. Розанова так много упоминаний имени Платона и ссылок на него, что вряд ли это есть явление случайное. И еще один момент: в данном случае (название) имеется в виду целый ряд работ В.В. Розанова, а не только его два конкретных короба «Опавших листьев».

Приведем несколько суждений о В.В. Розанове, в которых раскрываются некоторые особенности его литературно-философского творчества. Так, А.Н. Николюкин замечает: «Все ли суждения Розанова бесспорны? Отнюдь нет. Но он предложил особое «альтернативное мышление», полагая, что только через антиномии, через «безумные» идеи, нетрадиционный взгляд можно подойти к истине» [3, с. 10].

Нельзя не обратить внимания и на такую оценку: «Творчество Розанова представляет собой что-то хаотическое. Даже со стороны невозможен систематический подход к этому творчеству, так раздроблены, раскиданы его сочинения. Нередко основная мысль прячется в них за грудой мелких набросков и заметок. Философия Розанова есть нестройное нагромождение торопливых мыслей» [1, с. 838].

С точки зрения А.П. Алексеева, для философии Розанова, представляющей перед нами то в бытовых зарисовках, то в выступлениях на злобу дня, характерны бессистемность, кажущаяся несерьезность и кроющаяся за ней глубина. При всей необычности манеры философствования у Розанова просматривается достаточно цельная и последовательно развиваемая концепция. В основе его мировоззрения – признание ценности индивидуального бытия, отдельных вещей, человеческих переживаний и устремлений [19, с. 671].

По мнению известного специалиста в области истории русской философии М.Н. Громова, афоризмы В.В. Розанова «подобны точечному нанесению красок на многоцветных полотнах французского неоимпрессиониста Ж. Сера. Рассмотренные отдельно, они кажутся чрезмерно акцентированными, но, взятые вместе в панораме общего видения, поражают яркостью, свежестью, необычностью, глубоким психологизмом и умением улавливать неуловимое, высказывать невысказываемое» [2, с. 270].

Например, у В.В. Розанова есть ряд коротких записей, объединенных общим названием «Эмбрионы», впервые опубликованных в 1899 г., которые надо понимать как зачатки мыслей. Скорее всего, предполагалось при этом, что все они (или хотя бы некоторые из них) в будущем должны были бы, или могли бы получить дальнейшее развитие и углубление. Впрочем, следует заметить, что и помимо «эмбрионов» у него довольно много коротких и очень коротких записей, фиксирующих постоянное биевание и движение его мысли, причем в самых разных местах и ситуациях. Так, после некоторых записей видим пометки, где это сделано: «за чаем», «за арбузом», «ночью на извозчике» и т.п.

Такая форма изложения мысли, предложенная В.В. Розановым, предоставляет возможность каждому думающему читателю самому развить эту мысль, углубить ее, как бы додумывая ее за автора. Надо заметить, что это очень удобно для такого читателя, потому, что любая трактовка любого розановского «эмбриона» является абсолютно правильной, хотя бы только и с его (читателя) точки зрения. Особенно это верно в тех нередких случаях, когда сам автор (В.В. Розанов), как правило, больше не возвращается к развитию данного «эмбриона». Автор вступительной статьи к книге В.В. Розанова «Мысли о литературе» А. Николюкин замечает, что в конце второго короба «Опавших листьев» Розанов планирует сборник «Эмбрионы», который в отличие от «Уединенного» без читателя, будет обращен к читателю [4, с. 35].

Обратим внимание на некоторые из «эмбрионов», касающиеся интересующей нас темы – философия Платона в творчестве В.В. Розанова. Таких «эмбрионов» четыре из двадцати одного. Вот какую «зачаточную» запись-мысль делает В.В. Розанов относительно понятия многообразия форм, где упоминается Платон, вернее, его ме-

тафизика, иначе говоря, философия. Он пишет: «Когда народ умирает – он оставляет одни формы: это – скелет его духа, его творчества, его движений внутренних и внешних. Республика, монархия – разве это не формы? Трагедия, эпос, шестистопный ямб – разве не формы? Не формы – Парфенон, как и девятая симфония. И, наконец, метафизика Платона или Гегеля?»

И вот почему, еще раз: когда народ оканчивает свое существование – формальная сторона всех им создаваемых вещей приближается к своему завершению» [5, с. 225].

Воспользуемся правом, как бы предоставленным нам самим автором, правом, о котором говорилось выше, и попытаемся предложить свой вариант прочтения, понимания и развития этой мысли. В этом нам поможет еще одна «эмбриональная» мысль В.В. Розанова, непосредственно предшествующая приведенной мысли: «Совершенство формы есть преимущество падающих эпох» [5, с. 225]. Почему же именно философские системы Платона и Гегеля приводит в пример В. Розанов? Конечно же, потому, на наш взгляд, что, несмотря на то, что эпохи Платона и Гегеля давно ушли, но навсегда в духовной культуре человечества остались завершенные ими метафизики как, по-своему, самые совершенные философские системы в форме объективного идеализма.

То же самое можно сказать и относительно республики и монархии. Эти формы государственного устройства, глубоко разработанные и ярко представленные Платоном в своих диалогах (сознательно абстрагируемся здесь от Гегеля, поскольку не он является предметом нашего исследования), остались в духовной истории человечества. Остались именно как скелет духа и творчества, говоря словами В. Розанова, греческого народа, хотя в другие эпохи они, что вполне естественно, уже были наполнены несколько иным содержанием.

Разумеется, что, говоря о формах государственного устройства, можно было бы привести в пример и Аристотеля. Причем, это было бы вполне логично с учетом того значительного философско-политологического наследия самого энциклопедического мыслителя среди греков, как называл его в свое время К. Маркс. Однако В.В. Розанов этого не сделал. Почему? Скорее всего, потому, на наш взгляд, что Аристотель жил в одну эпоху с Платоном, а В. Розанову было важно подчеркнуть наличие совершенных и совершенных философских систем, разработанных представителями разных народов и эпох, но довольно близких по своему духу и форме. К тому же, именно Платон и Гегель являются, по сути дела, олицетворением философии, если уж и не всей, то идеалистической – точно, что хорошо понимал и В. Розанов. Заметим, что, говоря так, мы вовсе не принижаем значения таких мыслителей разных философских направлений, как Аристотель, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Т. Гоббс, И. Кант и многие другие.

У В.В. Розанова нет специальной работы о Платоне, но известно, что он намеревался написать развернутый комментарий к диалогу «Пир» и рассчитывал проанализировать диалог «Федр» в отдельной работе.

Внимательно вчитываясь в тексты В. Розанова нельзя не заметить, что порой он думает и говорит о Платоне даже там и тогда, где и когда имя античного мыслителя и не упоминается, однако он как бы незримо, но достаточно явно присутствует (подобно тени отца Гамлета, образно говоря). Вот два примера из «Эмбрионов», где, подчеркнем еще раз, мысль лишь намечается, обозначается, а не раскрывается полностью. Так, В.В. Розанов констатирует: «Гений обычно *бездетен* – и в этом его глубокая и, может быть, самая *объясняющая* черта. Он не может рождать и, кто знает, нужно ли это для него? Он есть некоторая *ding an sich* («вещь в себе» – философский термин, введенный И. Кантом – Л.П.).

Как орудие, как низменное средство, как земная сторона небесной тайны – половые аномалии, так часто встречающиеся у гениев; влечение к разврату; раннее половое развитие; «пороки детства» [6, с. 226]. Имя Платона здесь не названо, но оно явно, хотя и как бы имманентно присутствует в этой мысли и именно оно первым приходит на ум каждому, кто знаком с биографией Платона. Вот поэтому В. Розанов и не называет его имени, тем более, что это ведь запись (мысль) «эмбриональная».

Справедливость нашего предположения ничуть не умалется возможной ссылкой на то обстоятельство, что во времена Платона интимные отношения между взрослыми мужчинами и юношами не считались развратными и не подвергались даже моральному осуждению, не говоря уже о каком-либо запрете и преследовании.

Еще один пример, где Платон имплицитно присутствует, не будучи прямо названным по имени. Так, В.В. Розанов пишет: «Есть неуловимо тонкая черта, соединяющая стойков с фарисеями: оба брезгливы по отношению к миру; один уходит от него в ванну и вскрывает себе жилы, читая «Федона»; другой отходит от него в сторону и становится на молитву» [5, с. 229]. Понятно, что речь здесь идет о римском философе-стойке Сенеке, авторе широко известных «Нравственных писем к Луцилию». Известно, что этот философ по приказу императора Нерона вынужден был вскрыть себе вены. Платон же в этой записи В. Розанова присутствует как автор диалога «Федон», посвященного рассмотрению вопросов жизни и смерти. Именно этот диалог читал Сенека перед смертью, подчеркивает В. Розанов. Даже если это и не совсем достоверно, то вполне возможно, учитывая, что философия самого Сенеки представляла собой синтез стоицизма, платонизма, эпикуреизма и пифагореизма.

Через два года, в 1901 г., В.В. Розанов опубликовал «Новые эмбрионы», в которых лишь один «эмбрион» из двадцати пяти имеет отношение к Платону. Зато это пространный «эмбрион», занимающий почти две страницы, из которых мы приведем довольно большой кусок.

Начинается этот «эмбрион» с признания: «Читал «Федра» и «Пир» Платона. В тайне sexuaìной аномалии, которую по главным ее выразителям можно назвать Платоно-Сафической, находится разгадка греческой цивилизации» [6, с. 239]. Далее В. Розанов обращает внимание на то, что «по Платону, в законодательствах Эллады, Бэотии, на Ионических островах были законы, регулирующие отношения, «права и обязанности», как у нас в браке – в странной аномальной связи («Пир»); по Фукидиду – ею были связаны Гармодий и Аристокитон, сплетшие такой красивый узел в златотканом ковре удивительной культуры; тоже – Ахилл и Патрокл, Александр и Парменион, Платон и Федр; т.е. древность и новые времена, детство и старость, и полный мужества средний возраст страны; вся география, вся история. Необъяснимое волнение, которое так ярко описывает Платон в *Пире*, и что-то лепечет о Небесной Афродите, отличающейся от земной и вульгарной, познаваемой с женами, разливалось по всей Элладе, в краткие 600–700 лет ее жизни; в то же время, ничего не объясняя, он отчетливо говорит, что это вовсе не то, что «по нужде бывает на море, у грубых матросов»: что, кроме «зрения», «осозания», «всех чувств», тут ничего нет, и – необъяснимого волнения, однако, к странной точке, взятой Богом «для обрезания» [6, с. 239].

Писать о Платоне, что тот «что-то лепечет» это явно в стиле В. Розанова, конечно же, признающего авторитеты, но не раболепствующего перед ними. Представляется, что на такое замечание в адрес Платона вряд ли кто-то еще другой мог бы дерзнуть. А вот В.В. Розанов смог и, как ни странно, но, на наш взгляд, это не выглядит у него как-то грубо или вульгарно.

В статье «Отчего не удался памятник Гоголю?» В.В. Розанов прибегает к сравнению, в котором тоже не может обойтись без упоминания имени Платона: «От души «Ивана Ивановича» до души Платона – неизмеримая разница; и если медик, с заботой прописать ему бром и холодные компрессы на голову, то все это забавно в отношении Платона, который, однако, в лучшем своем трактате, «Пире», высказал тезис, что «только люди, способные к безумию, и именно в пароксизмах безумия, приносят на землю глубокие откровения истины». Согласитесь, что бром очень мало помогает против такой философии. Гоголь кончил безумием, но гениальный и гениально, – как мог бы им кончить в другой обстановке и среди других людей Платон, – как на границе этого «безумия» прожил всю жизнь знаменитый Паскаль.... Но оставим сравнения, которые всегда только приблизительны» [7, с. 347].

Казалось бы, причем здесь Платон рядом с каким-то «Иваном Ивановичем»? Но, вероятно, что именно сравнение с Платоном, по убеждению В. Розанова, является в

данном случае наиболее убедительным, чтобы как можно более очевидно показать «дистанцию огромного размера», существующую между душами простых людей, которых – миллионы, и душами гениев, которых – единицы. И в самом деле, получилось весьма убедительно.

Без упоминания имени Платона не обходится В.В. Розанов и в статье «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария (1891)». Здесь он обращает внимание на слова великого русского писателя, которого он всегда высоко ценил и называл «мой Достоевский», вложенные в уста старца Зосимы: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам самое тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высоким, *да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных*. Вот почему и сущности вещей нельзя постичь на земле» [8, с. 58–59].

Как видим, здесь у Ф.М. Достоевского налицо явный платонизм. Хорошо понимая это, В. Розанов при этом подчеркивает, что это уже во второй раз (имея в виду стихотворение М.Ю. Лермонтова «Ангел» («По небу полуночи ангел летел»)) «наша художественная литература, так неизмеримо опередившая вялое движение наших наук, поднимается на высоту созерцаний, на которой удерживался только Платон и немногие другие» [8, с. 59].

В статье «Декаденты» В.В. Розанов, высоко оценивает Средние века, ставшие, по его словам, «великим кладохранилищем сил человеческих», и эпоху Возрождения, которая «была эпохой открытия этого клада», когда «тонкий слой прикрывавшей почвы вдруг был отброшен, и, к изумлению ряда последующих веков, из-под него засверкали ослепительные, несметные сокровища». При этом он задается вопросом: «Откуда все это? Из истощившегося ли в себе самом античного мира? Из заплесневелых ли пергаментов? Но разве Платон писал свои диалоги с тем живым восхищением, с каким Марсилио Фичино их перечитывал?» [9, с. 212].

И здесь, как видим, В.В. Розанову удобнее (для большей убедительности и наглядности, наверное) привести в пример Платона с его яркими философскими диалогами в великолепном литературно-художественном изложении. Известно, что в Европе в то время больше читали и почитали (в смысле – ценили), Аристотеля, но сугубо как ученого по большей части, однако восхищались все-таки Платоном. В.В. Розанов здесь психологически верно подметил, что автор какого-то определенного произведения может быть им удовлетворен, весьма доволен и т.п., но создает его он в великом труде и сильном напряжении мыслей и чувств, среди которых нет места восхищению. Потом этим произведением восхищаются другие. В самом деле, смешно и даже нелепо было бы полагать, что Платон или тот же Ф.М. Достоевский писали свои произведения, восхищаясь ими и самими собой.

Никак нельзя пройти мимо интересных мыслей о Платоне, высказанных В. Розановым во втором и последнем коробе. Так, по его мнению, именно церковь научила «об упокоении души», «научила, о чем едва смел гадать Платон, и доказывал философскими извращениями мысли. Она же прямо и дивно сказала:

– Верь! Клади гривенник! «Выну частицу», и душе будет легче. И она взглянет на тебя оттуда, и ты почувствуешь ее взгляд» [10, с. 441–442].

Другая мысль, в которой фигурирует Платон, более пространна. В. Розанов констатирует, что «философы да и то не все, говорили о Боге; о «бессмертии души» учил Платон... Всякий дьячок имеет уверенность в том, до чего едва додумался и едва имел силы достигнуть Платон.

«Сумма учений Церкви» неизмерима сравнительно с Платоновой системой. И так все хлебно, так все просто. Она подойдет к роженице. Она подходит к гробу. *Это нужно*. Вот «нужного»-то и не сумел добавить к своим идеям Платон» [10, с. 478].

И еще одна мысль: «Кто догадался подойти со словом к умирающему? Кто подумал, что надо протянуть руку роженице?

Спенсеру это не пришло на ум.

Боклю – не пришло.

Даже Платону на ум не пришло, ни Пифагору в Пифагорейском Союзе» [10, с. 478].

Это «даже» в адрес Платона весьма примечательно как скрытое признание его величия, который, безусловно, велик как философ, создавший свою систему объективного идеализма. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, он все-таки просто человек со своими достоинствами и недостатками, со своей внутренней и внешней культурой. Поэтому он и оказывается порой ниже простого дьячка, умеющего утешить и словом, и делом любого страждущего гораздо лучше, чем какой-нибудь философ со своей самой совершенной системой, который не считает нужным проявить простое человеческое участие и, возможно, даже не подозревающий, что именно оно в данный момент важнее всех его умных мыслей, теоретических разработок и философских систем. Как раз вот этого «нужного», по мнению В. Розанова, у Платона и не оказалось.

О том, что приведенные выше мысли пришли к В.В. Розанову отнюдь не случайно, свидетельствуют и его рассуждения в первой части книги «Сахарна», названной «Перед Сахарной». Мысли, в которой «задействован» Платон, предшествует «зарисовка», в которой автор (Розанов) говорит о том, что готов подойти к пьяному попу, отделяясь от Владимира Набокова, профессора Кареева, потому что рядом с этими уважаемыми людьми могут стать такие же. А вот «рядом с попом может стоять сейчас же митрополит Филарет; а рядом и сам Св. Серафим Саровский. Чего, и дальше: «за руку с попом» не погнушает взяться и древний Платон, сказав: «Он – *от моей мудрости*». А я прибавлю: «Нет, отче Платоне, – он превзошел тебя много. Ты – догадывался, а он – знает, и о душе, и о небесах. И о грехе и правде. И что всякая душа человеческая скорбит. И что надо ей исцеление» [18, с. 319].

В предисловии ко второму изданию своей работы «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» В.В. Розанов пишет: «Гоголь был великий платоник, бравший все в идее, в грани, в пределе (художественном); и, разумеется, судить о России по изображениям его было бы так же странно, как об Афинах времен Платона судить по отзывам Платона» [11, с. 11].

А.Н. Николюкин обращает внимание на то, что «эта точка зрения не раз оспаривалась в критике, и ныне можно лишь добавить то, о чем подчас забывалось в пылу полемики: читали мы Гоголя ведь не столько ради того, узнать, как жили люди в николаевской России. Есть нечто иное, что влечет к книгам Гоголя все новые и новые поколения читателей, не обремененные грузом исторических представлений. Это нравственная, человеческая ценность классики, несводимая к историко-социальным условиям, породившим ее» [4, с. 23].

Полностью солидаризируясь с этой мыслью в отношении Н.В. Гоголя, мы хотели бы заметить, что она абсолютно верна и относительно Платона, диалоги которого читают уже много столетий и будут читать впредь отнюдь не за тем, чтобы узнать о жизненном пространстве древних греков, их бытовых условиях и т.д. К Платону влекут его «иные миры», его миф о пещере, его суждения о государстве и законах, его рассуждения о любви земной и небесной и т.д. Без всякого преувеличения можно сказать, что Платон это верный спутник мыслящего и чувствующего человечества на все времена.

В статье «Место христианства в истории» В.В. Розанов, рассматривая душевный склад семитических народов в связи с их историей, обращает внимание на то, что «в философии, в которой они также славились долгое время, они не пошли далее усвоения и истолкования Аристотеля и отчасти Платона» [12, с. 16]. В этих словах, на наш взгляд, скрыто содержится оценка непреходящей величины и значимости античной философии в лице ее самых именитых и ярких представителей.

Как замечает В.Розанов, чем далее развивалась эта философия (философия семитических народов – Л.П.), тем ближе и ближе подвигалась она к тому, что уже было у главного из семитических племен, именно еврейского. Истины, знакомые нам из Библии, не появляются. Но уже мерцают в ней: вспомним учение Платона о знании и о прекрасном» [12, с. 27–28]. Представленная здесь неявная оценка Платона как

предшественника христианства, а, возможно, и одного из его источников конкретизируется в следующих словах В. Розанова: «Прочитав Евангелие от Иоанна, один неоплатоник сказал, что первые строки его до выражения: «И Слово плоть бысть» – есть то самое, что думают он и его друзья. Напротив, евреи и христиане, знакомясь с Платоном, находили в его Демиурге черты сходства с творением Иеговой, а в мире бесплотных идей, при помощи которых был создан мир, они видели отдаленный намек на Предвечное Слово» [12, с. 29].

Определенный интерес в контексте нашего анализа работ В.В. Розанова представляет и статья «Кроткий демонизм», в которой он разбирает статьи публициста, сотрудника «Нового времени» М.О. Меньшикова в ежемесячном приложении «Книжки Недели» к либеральной еженедельной газете «Неделя». В. Розанов решительно не соглашается с ним в оценке позиции Платона относительно разделения Афродиты земной и Афродиты небесной, представленном Платоном в диалоге «Пир», который он называет «до известной степени страшным рассуждением о чувственной любви» [13, с. 156].

По утверждению В. Розанова, М.О. Меньшиков трактует Платона совершенно не правильно, полагая, что античный философ под этими понятиями имел в виду любовь монастырских «старцев» и старых филантропических барынь. «Между тем, как совершенно ясно можно читать на соответствующих страницах «Пира», Платон – возражает В.В. Розанов – называл любовью «земной» любовь к другому полу, а «небесной» любовью называет вовсе не филантропическую, но чувственную любовь и только к одинаковому с собой полу. Он называет при этом и цитирует поэтессу Сафо, и вообще это так бесспорно, что в этом невозможно сомневаться» [13, с. 156].

Критический разбор взглядов М.О. Меньшикова, писавшего о «Вальпургиевой ночи» чувственности фаустовской Гретхен с точки зрения язычника, В.В. Розанов продолжает в статье «Смысл аскетизма». Он замечает, что и «вальпургиева ночь» чувственности не была понята г. Меньшиковым, поскольку и для нее есть какие-то скрытые от нас основания. «Достаточно припомнить, что Платон, этот идеал физического здоровья (умер 81 года) и духовной красоты, в «Федре» настойчиво говорит, что лишь «безумствующие» в любви, а не остающиеся в ней рассудительными поступают правильно. Кстати, и очень характерно, что в теоретических созерцаниях Платона св. Юстин-Философ в «Увещании к эллинам» говорит: «Платон один из греков как бы был на небе и видел то, что там совершается» [14, с. 168–169].

Далее В.В. Розанов продолжает: «Вот факты, их никто не оспорит. Платон ушел юношей к Сократу. Аристотель также почти юношей пришел к Платону, в Академию: странное волнение знания, любопытства, теоретизма заставило обоих их в этот именно критический возраст отвернуться от утех и приятностей шумной и суетливой жизни. Они ушли оба в монастырь философии» [14, с. 172].

По поводу этого яркого образа можно заметить, что если Платон до конца своих дней оставался в этом «философском монастыре», то Аристотель после обучения в Академии Платона вел впоследствии вполне светский образ жизни, имел жену и детей, не переставая при этом заниматься философией и научными исследованиями.

В статье «Нечто из седой древности» В.В. Розанов вновь призывает вспомнить сказанные в «Пире» Платона бессильные и торопливые, взволнованные слова об «Афродите Небесной», т.е. о сопричастии чему-то небесному...» [15, с. 205].

Нельзя не отметить, что В.В. Розанов в разных аспектах неоднократно упоминает работу Платона «Государство». Вот одно из этих упоминаний: «Замечено, что идеи Платона, грека-язычника, изложенные в его «Политейе» (диалог «Государство» – Л.П.), нашли себе до некоторой степени осуществление в средневековой католической теократии». А в сноске он добавляет: «Точнее, Платон и католические «идеалисты» IX–XIII веков едва ли не реставрировали, один сознательно и другие безотчетно, идеи египетской теократии [16, с. 261–262].

Интересную мысль высказывает Розанов в статье «Русская церковь»: «Предположим, что Платона никогда не было, а был кто-то, приписавший ему диалоги, на

которых поставлено имя «Платон». Плохая шутка: этот, кто написал их, пусть имя ему будет Сидор, а не Платон, и был он перс, а не грек, все равно – и *был* как гений *Платон*, с тем именно содержанием в голове, какое мы приписываем Платону. Ведь мы и все человечество не от того признали Иисуса «Сыном Божиим», что так *велели* нам апостолы, что это *завещали* они нам хранить как *веру*? Но мы сами и волею своею, прочитав речи Иисуса, прочитав Его Нагорную Проповедь, да и все, все Его речения, восклицаем с Нафанаилом, которому ничего апостолы не нашептывали: «Равви! Ты – Сын Божий! Ты – царь Израилев!» И исповедание Самаритянки, и исповедание Никодима, и всего израильского народа, устлавшего одеждами Ему путь при и входе в Иерусалим и восклицавшего: «Благословен грядый во Имя Господне», – все это есть наше исповедание, без всякого подсказывания и помимо какого-либо авторитета для нас самих евангелистов-рассказчиков» [17, с. 312].

В этой пространной мысли, как видим, имеет место сопоставление Платона с Иисусом, причем в таком контексте, что и первый и второй есть явления в исторической судьбе человечества далеко не случайные, что то, что они сделали, они не могли этого не сделать, они должны были это сделать, и они сделали это. Их деятельность и плоды усилий их оказалась настолько востребованы человечеством, что представить себе историю человечества без них не представляется возможным.

Список литературы

1. Голлербах Э. Ф. В.В. Розанов. Жизнь и творчество / Э. Ф. Голлербах // Розанов В. В. Уединенное: Сочинения. – М., 1998.
2. Громов М. Н. Философский импрессионизм Розанова / М. Н. Громов // Наследие В.В. Розанова и современность : мат-лы Междунар. науч. конф. / сост. А. Н. Николоюкин – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
3. Николоюкин А. Магия слова как философия. О своеобразии мирозерцания В.В. Розанова / А. Николоюкин // Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
4. Николоюкин А. В.В. Розанов – литературный критик / А. Николоюкин // Розанов В. В. Мысли о литературе. – М., 1989.
5. Розанов В. В. Эмбрионы / В. В. Розанов // Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
6. Розанов В. В. Новые эмбрионы / В. В. Розанов // Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
7. Розанов В. В. Отчего не удался памятник Гоголю? / В. В. Розанов // Сочинения. – М., 1990.
8. Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского / В. В. Розанов // Уединенное: Сочинения. – М., 1998.
9. Розанов В. В. Декаденты / В. В. Розанов // Мысли о литературе. – М., 1989.
10. Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй и последний (1915) / В. В. Розанов // Мысли о литературе. – М., 1989.
11. Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Предисловие ко второму изданию / В. В. Розанов // Уединенное: Сочинения. – М., 1998.
12. Розанов В. В. Место христианства в истории / В. В. Розанов // Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
13. Розанов В. В. Кроткий демонизм / В. В. Розанов // Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
14. Розанов В. В. Смысл аскетизма / В. В. Розанов // Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
15. Розанов В. В. Нечто из седой древности / В. В. Розанов // Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
16. Розанов В. В. 29 января 1881–1901 гг. / В. В. Розанов // Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
17. Розанов В. В. Русская церковь / В. В. Розанов // Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
18. Розанов В. В. Перед Сахарной / В. В. Розанов // Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
19. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. – М., 1999.

References

1. Gollerbah Je. F. V.V. Rozanov. Zhizn' i tvorchestvo / Je. F. Gollerbah // Rozanov V.V. Uedinennoe: Sochinenija. – M., 1998.
2. Gromov M. N. Filozofskij impresionizm Rozanova / M. N. Gromov // Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost' : mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. / sost. A. N. Nikoljukin – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2009.

3. Nikoljukin A. Magija slova kak filosofija. O svoeobrazii mirosozercanija V.V. Rozanova / A. Nikoljukin // V. V. Rozanov. Religija. Filosofija. Kul'tura. – M., 1992.
4. Nikoljukin A. V.V. Rozanov – literaturnyj kritik / A. Nikoljukin // Rozanov V.V. Mysli o literature. – M., 1989.
5. Rozanov V. V. Jembriony / V. V. Rozanov // Religija. Filosofija. Kul'tura. – M., 1992.
6. Rozanov V. V. Novye jembriony / V. V. Rozanov // Religija. Filosofija. Kul'tura. – M., 1992.
7. Rozanov V. V. Otchego ne udalsja pamjatnik Gogolju? / V. V. Rozanov // Sochinenija. – M., 1990.
8. Rozanov V. V. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo / V. V. Rozanov // Rozanov V.V. Uedinennoe: Sochinenija. – M., 1998.
9. Rozanov V. V. Dekadenty / V. V. Rozanov // Mysli o literature. – M., 1989.
10. Rozanov V. V. Opavshie list'ja. Korob vtoroj i poslednij (1915) / V. V. Rozanov // Mysli o literature. – M., 1989.
11. Rozanov V. V. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo. Predislovie ko vtoromu izdaniju / V. V. Rozanov // Uedinennoe: Sochinenija. – M., 1998.
12. Rozanov V. V. Mesto hristianstva v istorii / V. V. Rozanov // Religija. Filosofija. Kul'tura. – M., 1992.
13. Rozanov V. V. Krotkij demonizm / V. V. Rozanov // Religija. Filosofija. Kul'tura. – M., 1992.
14. Rozanov V. V. Smysl asketizma / V. V. Rozanov // Religija. Filosofija. Kul'tura. – M., 1992.
15. Rozanov V. V. Nechto iz sedoj drevnosti / V. V. Rozanov // Religija. Filosofija. Kul'tura. – M., 1992.
16. Rozanov V. V. 29 janvarja 1881–1901 gg. / V. V. Rozanov // Religija. Filosofija. Kul'tura. – M., 1992.
17. Rozanov V. V. Russkaja cerkov' / V. V. Rozanov // Religija. Filosofija. Kul'tura. – M., 1992.
18. Rozanov V. V. Pered Saharnoj / V. V. Rozanov // Religija. Filosofija. Kul'tura. – M., 1992.
19. Filosofy Rossii XIX–XX stoletij. Biografii, idei, trudy. – M., 1999.